

ФОНОВОЕ И ПРЕСУППОЗИТИВНОЕ ЗНАНИЕ В РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ПРЕЦЕДЕНТНОГО ФЕНОМЕНА СОВРЕМЕННОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕКСТА

Исследуются подходы к определению и разграничению понятий фонового знания и пресуппозиции, к установлению относительно прецедентных явлений современного художественного текста. Выявляются языковые средства смыслового прироста, присутствующие в структуре прецедентной единицы и выступающие кумулятивными центрами формирования и реализации смысла. Устанавливается соотношение фоновости и пресуппозитивности в структуре и семантике прецедентного феномена современного художественного текста.

К л ю ч е в ы е с л о в а: прецедентный феномен; фоновое знание; пресуппозитивное знание; пресуппозитивные характеристики; ассоциативность.

The article studies the approaches to the definition and delimitation of background knowledge and presupposition notions applied to the precedent phenomena of modern literary text. It singles out the core features constituting the structure of a precedent phenomenon that stand out as cumulative centres for the sense realisation. The article attempts to state the background knowledge and presupposition correlation in the structure and semantics of precedent phenomena of modern literary text.

Key words: precedent phenomenon; background knowledge; presupposition; presupposition characteristics; associativity.

Отличительной особенностью современного текстового пространства является его репрезентированность широким спектром черт и характеристик, принадлежащих разнообразным семиотическим мирам и пространствам. Для исследования особого типа единиц, представляющих собой когнитивно-закрепленные образования, такие, как прецедентный феномен, важную роль играет не только возможность их синтагматической атрибутивной адаптации, что предполагает их включение в линейный текстовый ряд, но и способность апеллировать к спектру знаний и явлений об окружающем мире, отражаемому в тексте. Вертикализация как процесс переноса знания из одного семиотического пространства в пространство текста с необходимостью предполагает исследование источника подобной апелляции, в качестве которого может выступать различное по своему объему и закреплённости знание,

отраженное в фонде фоновых или пресуппозитивных особенностей своего представления. Совокупность данного знания, известного для большинства членов определенного языкового сообщества, находит свое отображение в спектре терминов, используемых в лингвистике. Кумулятивность характера репрезентации данного знания как совокупности некоторых представлений может сближать его со смежными закрепленными в лингвистике понятиями, такими, как концептосфера. Определения, существующие для данных терминов, выделяют одну или несколько основных черт, позволяющих проводить отождествление или разграничение понятий. Некоторые из них подчеркивают объемность и кумулятивность составляющих их фрагментов, например, понятие концептосферы. Согласно некоторым из подходов, фоновое знание может быть отражено в определенных узловых компонентах данной сферы, поскольку многоуровневость таких систем предполагает различный характер репрезентации и степень эксплицитности наполнения определенной единицы. Тем не менее в то время как между концептосферой и фоновым знанием имеются определенные объединяющие их характеристики, точечная форма репрезентации составляющих концептосферу признаков и ассоциирование ее с узлами-концептами, содержащими определенные знания и способы их репрезентации, фоновое знание представляет собой понятие, не имеющее четко определенной внутренней структуры, установленных внутрисистемных путей апелляции и иерархии конституирующих его фрагментов, что свидетельствует о потенциальной разнообразности способов апелляции к нему со стороны реализованных в тексте когнитивно-языковых феноменов.

Исследование фоновости и пресуппозитивности по отношению к структуре и особенностям формальной реализации языковой единицы требует определения подходов к разграничению фонового и пресуппозитивного знания в структуре прецедента. Под фоновыми знаниями говорящих традиционно понимаются хранящиеся в человеческой памяти знания о мире, которые в непроговариваемом виде сопутствуют речевому общению, на каком бы языке оно ни велось, необходимые для того, чтобы коммуникация была успешной. Совокупность данных знаний и составляет пресуппозицию – сферу информативных сведений, которые известны говорящим и делают речь осмысленной. Типология пресуппозиций включает общие пресуппозиции, под которыми понимаются знания экстралингвистического характера, возможность слышать говорящего и отвечать ему; и лингвистические пресуппозиции, которые представляют собой знания правил реализации слов, предложений, словопорядка, интонации [1, с. 55]. Определения фоновых знаний представляют их как общий фонд, который позволяет говорящим на одном языке понимать друг друга; свидетельствуют об обоюдном знании реалий говорящим и слушающим, что является основой языкового общения [2, с. 498]. Таким образом, согласно одному из подходов, пресуппозитивное знание понимается как родовое понятие относительно к понятию фонового знания, которое отражает характеристики, необходимые участникам общения для успешной коммуникации. Пресуппозитивность в наиболее общем зна-

чении может пониматься в русле исследования прецедентности как особое средство, обеспечивающее и обуславливающее возможность взаимопонимания адресата и адресанта на основе совокупности знаний, закрепленных в когнитивной базе носителей определенного языка одного языкового сообщества, и, в особенности, правил и условий, в которых эти знания могут быть корректно эксплицированы. Фоновое знание может также репрезентировать совокупность знаний, накапливаемых в ходе ознакомления индивида с фактами и явлениями внеязыковой действительности, например, в процессе обучения в школе или университете; источником фонового знания может служить вербальный источник, дефиниция толкового словаря, текст литературного произведения, мифологический или фольклорный источник.

Однако фоновое знание может предполагать как закрепленное в рамках определенного лингвокультурного сообщества и контекстуально опознаваемое знание, так и то знание, которое репрезентировано в способах и характеристиках, известных значительному числу коммуникантов, при помощи которых обеспечивается стабильность коммуникации, а также отражено в формально-содержательной стороне определенной языковой единицы. Интерпретация смысла языковой единицы в высказывании может, до определенной степени, быть результатом реализации стратегии индивидуального осмысления, однако смыслы, задействованные в рамках интерпретации, могут носить социальный характер, поскольку отражают знания, типичные для определенного языкового сообщества [3, с. 140]. Наиболее явно подобные признаки выявляются при анализе особого типа прецедентных ситуаций, включающих реализацию компаративного языкового компонента. Типология компаративных средств с учетом данной характеристики предполагает выделение деятельных и атрибутивных признаков, обеспечивающих апелляцию к соответствующим образованиям иерархически более высокого ранга. Данный тип ситуаций основан на особом понимании пресуппозитивности как знания, на основе которого осуществляется операция имплицитного сопоставления двух структур знания. Прецедентные ситуации, функционирующие как вербализуемые экспликации определенных когнитивных структур, тем не менее являются несвободными от возможности ассоциативного осмысления признаков, формирующих данную ситуацию. Имплицитно представленное пресуппозитивно-ассоциативное основание в современном художественном тексте может осуществляться посредством замены признаковой составляющей на синонимичную, что отражается в определенных конструкциях компаративного типа. Данное условие формирует особый тип связи между социально-конвенциональным и индивидуально обусловленным в составе определенной языковой формы: *черный, прожженный, будто царь-пушка; пушистый (колючий), пышный (объемный), будто еж*.

Одним из наиболее широко распространенных видов фоновости, к которому осуществляется апелляция при помощи прецедентного феномена, является апелляция к лексикографическому материалу, представленному в энциклопедических словарях, отражающих широкий спектр характеристик,

связанных с явлением, событием или фактом действительности: *Скучая по обществу, стал общаться с неграми. – Мой дедушка был рабом, дай доллар, – говорили они. – Мой дедушка тоже был рабом, – отвечал я. – Рабом Иосифа Сталина* [4, с. 18]. Признаковый состав лексикографически закрепленного имени *Иосиф Сталин* предполагает формирование смысла на основе таких характеристик, как ‘интерпретатор ленинских идей’, ‘создатель пирамидальной модели тоталитарного государства’, ‘создатель концепции обострения классовой борьбы’ [5, с. 225]. Присутствие в семантическом составе прецедентного феномена компонентов ‘тоталитаризм’, ‘лидерство’ и взаимодействие данных характеристик, опирающееся на выходящее за пределы непосредственного лексикографического описания компонент ‘создатель государственной системы репрессий’ позволяет осуществлять переосмысление имени на основе введения в состав интерпретационной рамки компонента ‘раб’ и интерпретировать данную единицу как ‘лидер тоталитарного государства, эпоха которого известна репрессиями’. В таком случае пресуппозитивность в структуре прецедентного феномена может пониматься как характеристика, обеспечивающая взаимодействие эксплицируемой и имплицитно представленной признаковой составляющей в реализации прецедентного феномена как текстовой и когнитивной единицы. Данное взаимодействие может реализовываться как внутрисемантически, так и с помощью атрибутирования, которое обогащает состав прецедентной текстовой единицы дополнительным признаком и находит свое выражение в интерпретационной последовательности. Несмотря на то, что некоторые из признаков, имеющих в составе лексикографического описания, подвергаются индивидуальному переосмыслению или метатекстовому комментированию, они являются следствием репрезентации уровневой структуры прецедентного феномена, затрагивающей как единичные, точечные признаки, лежащие на его периферии, так и ядерные, затрагивающие его сущностные, образные черты: *Впрочем, наличие дерева ни раньше, ни тем более теперь подтвердить нельзя. Что бы ни поддерживало того, в правом верхнем углу, это был святой явно поважнее монаха. Может, и женщина. Возможно, Мария, которую вознесла на ветви сила Святого Духа* [6, с. 68].

Несмотря на то, что в отношении структуры прецедентной единицы и ее языковой репрезентации фоновые компоненты определяют способ ее развертывания через введение определенного числа участников или актантов, что наиболее характерно для ее полипропозициональных разновидностей, семантика прецедентных единиц является полем реализации как узуальных, так и пресуппозитивных характеристик, выведение которых из значения и контекста осуществляется благодаря их взаимодействию: *Есть один дом в заокеанском Вавилоне, в доме комната, в комнате той собираются гнусные карлики, подлые кукловоды, тайное мировое правительство. В эту комнату все нити и ведут* [6, с. 86]. Формирование смысла, позволяющего корректно интерпретировать языковую единицу, происходит благодаря взаимодействию атрибута *заокеанский* и прецедентного имени *Вавилон*. Ассоциативная связь, сформированная в рамках русскоязычного лингвокультурного сооб-

щества, позволяет рассматривать атрибут *заокеанский* в его отождествлении с прилагательным *американский*. Концептологические области атрибута *заокеанский* и прецедентного имени взаимодействуют на основе общности пресуппозитивных свойств (высота зданий в американских городах подобна высоте известной Вавилонской башни, вошедшей в священные тексты и, через них, в коллективную память своим грандиозным размером). Интерпретация прецедентного комплекса *заокеанский Вавилон* предполагает осложнение интерпретационной последовательности *известный – место – характеристика* дополнительным компонентом, модифицирующим местоположение указанного города.

Анализ подходов и примеров, принадлежащих современному художественному тексту, позволяет выделить и обобщить основные тенденции апелляции к пресуппозитивному и фоновому знанию в структуре прецедентного феномена. Фоновость и пресуппозитивность как две сходные в рамках проанализированного исследования характеристики не могут быть однозначно оппозитивно противопоставлены друг другу в своих сущностных и функциональных особенностях. Тем не менее фоновое знание при анализе прецедентного феномена предстает как наиболее общий тип знания, разделяемый всеми членами определенного языкового сообщества, без которого невозможна коммуникация и взаимодействие в данном сообществе. Пресуппозитивность, представляющая собой набор имплицитно содержащихся и способных к выведению из семантико-структурных особенностей прецедента характеристик, реализуется как способ дополнения и обогащения семантики прецедентного имени мифологическим, историческим и другими источниками заимствований, поскольку семантическая реализация фоновости знания обогащается фондом ассоциированных с прецедентным феноменом явлений, событий и характеристик. Пресуппозитивное и фоновое типы знания могут реализовываться как осуществляющие взаимодействие в рамках интерпретационной последовательности, выделяемой на основе анализа прецедентного феномена. Пресуппозиция в отношении атрибутированных прецедентных единиц может реализовываться как взаимодействие имплицитных семантико-когнитивных признаков с целью обогащения семантико-структурного состава прецедентной текстовой единицы, что предполагает актуализацию определенной информации, разделяемой членами лингвокультурного сообщества. Пресуппозитивность, отождествляемая со спектром культурно-детерминированных представлений и способов бытования окружающей действительности, является основой экспликации признаков характеристик, свойственных для прецедентной ситуации и прецедентного компаратива.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ломов, А. М. Языковая игра с фоновыми знаниями / А. М. Ломов, А. П. Бабушкин // Вестн. Балт. федерального ун-та им. И. Канта. – 2014. – № 8. – С. 55–61.
2. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов / О. С. Ахманова. – М. : Сов. энцикл., 1966. – 608 с.

3. *Верещагин, Е. М. Язык и культура / Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров.* – М. : Индрик, 2005. – 1040 с.
4. *Месяц, В. Стриптиз на 115-й дороге / В. Месяц.* – М. : Изд-во «Э», 2017. – 416 с.
5. *Культурология : энцикл. : в 2 т. / редкол. : С. Я. Левит (гл. ред.) [и др.].* – СПб. : Алетей, 1998. – Т. 2. – 1998. – 370 с.
6. *Снегирев, А. Вера / А. Снегирев.* – М. : Изд-во «Э», 2016. – 288 с.